

Хуа Жоцзин уведомил лишь нескольких друзей, и, изрядно захмелев, они подошли к дверям брачных покоев.

Толкнув створки, Хуа Жоцзин вошел внутрь с фирменной улыбкой на красивом лице.

Однако глаза его оставались холодными.

Он перевел взгляд на новобрачную, сидевшую на кровати, и, слегка изогнув губы, направился к ней.

Рассмотрев ее ближе, он невольно залюбовался: лицо, способное погубить целые царства. В глубине глаз Хуа Жоцзина промелькнуло восхищение, но еще больше — любопытство. Он подцепил пальцами ее подбородок, и Тао Яоя послушно подняла голову. Ее глаза, подернутые влажной дымкой, источали невероятное очарование.

— Лик, способный погубить царство; красота, что рушит города. Признаться, я даже начал думать... — Хуа Жоцзин внезапно подался вперед, сокращая расстояние до минимума, — не лиса ли ты, спустившаяся с небес, чтобы свести меня с ума?

Мужское дыхание, тяжелое от винных паров, обдало лицо Тао Яоя. Подавляя тошноту, она кокетливо улыбнулась и тоже подалась навстречу. Их лица разделяла лишь тонкая бумажная перегородка. Тонкий, едва уловимый женский аромат заставил сердце Хуа Жоцзина забиться чаще.

— Я не лиса из легенд, а лисица, что практиковалась тысячу лет, чтобы отплатить вам, господин, за спасение в прошлой жизни.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Хуа Жоцзин. — Забавно, очень забавно.

Он отпустил ее подбородок и отступил на шаг. С той же неизменной улыбкой он прошелся по комнате, словно обдумывая сложную задачу, а затем, будто внезапно осенило, воскликнул:

— О!

В следующее мгновение Хуа Жоцзин резко вцепился Тао Яоя в горло. Улыбка не сходила с его губ:

— Тао Яоя, мне кажется, ты станешь для меня бедой.

Застигнутая врасплох, Тао Яоя испуганно пролепетала:

— Господин... что вы имеете в виду?

— Старший брат тобой интересуется, четвертый брат тоже, похоже, к тебе равнодушен. Почему же ты выбрала именно меня? Того, кто с самого начала показывал, что ты мне безразлична? — Хуа Жоцзин говорил неспешно, не сводя с нее глаз, пытаясь уловить хоть намек на ложь.

— Я питаю симпатию к таким благородным мужам, как вы. Вы тогда заступились за меня и прогнали старшего и четвертого принцев.

— О, вот оно что.

Хуа Жоцзин с улыбкой разжал пальцы. Глядя, как она, обмякнув, оседает на край постели, он

не испытывал ни капли жалости. Когда она немного пришла в себя, Хуа Жоцзин вновь приблизился, сияя глазами.

Тао Яояо инстинктивно отпрянула.

Но он не дал ей шанса — его рука снова сомкнулась на ее горле.

— Я тебе не верю.

Тао Яояо почувствовала, как пальцы сжимаются все сильнее и сильнее. Еще мгновение назад они мило беседовали, а теперь в комнате воцарились удушье и близость смерти.

Хуа Жоцзин не ведал жалости к женской красоте. Наблюдая за ее мучениями, он лишь шире улыбался. Такая женщина — это, конечно, потеря, но при желании можно найти и другую. Он никогда не оставит подле себя того, кто может иметь двойное дно.

Возвышение прежней династии.

— Им... император... — прохрипела она.

Хуа Жоцзин был так близко, что расслышал этот едва уловимый звук.

Император?

Неужели ее подослал отец, чтобы следить за ним? Хуа Жоцзин сузил глаза, перебирая в уме варианты. Он разжал руку и отступил, ожидая продолжения.

На ее белоснежной шее отчетливо проступили следы пальцев. Тао Яояо долго и мучительно кашляла, не в силах перевести дыхание.

Хуа Жоцзин налил чаю и, грубо приподняв ее, заставил выпить.

Чай хлынул изо рта, размазывая изысканный макияж. Волосы, прилипшие к лицу, лишили ее облика обольстительницы, оставив лишь печать глубокой скорби.

Некоторая доля сострадания к красоте у него все же была. Он вытер капли воды с ее лица своим дорогим рукавом, пристально изучая ее глубоким взглядом.

Взглядом хищника, от которого по спине бежали мурашки.

Тао Яояо понимала: он требует разумного объяснения своим словам об императоре. Она знала, что внешне Хуа Жоцзин выражает полное равнодушие к трону, ведя себя в столице безупречно и сдержанно.

Но она не верила, что человек столь жестокий и расчетливый может быть абсолютно безразличен к власти. Все, что произошло в уезде Чушуй, было выжжено у нее в сердце; когда-нибудь она вернет этот долг с лихвой. Те два слова были лишь отчаянной попыткой спастись.

После минутного молчания Тао Яояо, опираясь на руки, опустилась на колени прямо на постели:

— Старший принц и четвертый принц не идут ни в какое сравнение с вами... Кхе-кхе... Вы — тот, кто станет императором. Если я не выберу вас, то кого же тогда?

Как же сладко прозвучали эти крамольные слова!

Раздался громкий смех. Хуа Жоцзин был польщен. Заметив, что она все еще стоит на коленях, он усмехнулся:

— Не опускай голову, смотри на меня.

Тао Яояо послушно подняла взгляд, копируя его фирменную улыбку, а в глазах ее по-прежнему светилась безграничная нежность.

— Господин... — прошептала она, хотя внутри ее душило отвращение.

Сейчас, в своем жалком и хрупком виде, она вызывала невольную жалость.

— Тао Яояо, ты и вправду интересная, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Убедившись, что он действительно покинул комнату, Тао Яояо рухнула на кровать, жадно хватая ртом воздух. Она вцепилась в одеяло, словно утопающий, ухватившийся за последнюю соломинку.

Коснувшись пальцами следов на шее, она поморщилась от жгучей боли. Она должна была умереть сегодня, но... выжила?

...

Пятый год правления Юнчжэня, зима. Остатки сил Южной династии перешли в наступление. В битве под Юньчэном императорские войска потерпели сокрушительное поражение, и враг, воспользовавшись моментом, занял три города подряд.

— Зачем я содержу вас, кучку никчемных бездельников? Даже идей никаких нет! Кхе-кхе... кхе... — Император Вэнь сидел на троне, лицо его было измождено, а волосы за время болезни стали совсем седыми.

Никто из его сыновей не решился подойти, чтобы проявить хоть каплю заботы.

— У меня есть предложение, — проговорил левый канцлер Фэн Минъань, поглаживая длинную бороду.

— Говори скорее, почтенный!

Император Вэнь боялся, что если наследие новой династии будет утрачено в его руках, он не сможет взглянуть в глаза своему отцу. При всей своей недалекости, он всеми силами пытался сохранить империю рода Хуа.

Канцлер сделал шаг вперед:

— Государь, мятежники на юге подняли голову, а на севере войны утихли. Маршал Гун располагает тридцатью тысячами воинов. Почему бы не приказать ей перебросить половину сил на юг?

Снова Гун Юньшу. Император Вэнь сжал кулаки, спрятанные в рукавах. Как же она сильна! Снова одержала победу, ее заслуги перед армией столь велики, что никто не смеет с ней

сравниться. Вероятно, даже ему самому приходится проявлять к ней уважение, чтобы заткнуть рты недовольным. Но иного выхода не было.

— Одобряю. Свободны, — скрепя сердце произнес император.

По пути в кабинет лицо Вэня почернело. Вспомнив кое-что, он приказал:

— Евнух Ли, вызови принцессу во дворец.

Сейчас стояла зима, столица утопала в снегах, а на северных рубежах, должно быть, все сковано льдом. Интересно, как там этот глупыш?

При мысли об этом на лице Хуа Жолянй промелькнула улыбка. Дед наверняка уже доложил императору о том методе, скоро они увидятся.

Хунъянь приготовила отвар, проверила его серебряной иглой и попробовала сама. Убедившись в безопасности, она принесла лекарство. Дверь тихо отворилась, впустив зимний холод.

— Кхе-кхе... — это тело не переносило холода. Хуа Жолянй зашлась в кашле.

Тогда она была так жестока к самой себе.

— Ваше Высочество, — служанка поспешно закрыла дверь и осторожно подала лекарство. — Эта болезнь... боюсь, исцелить ее сможет лишь глава Долины Царя Лекарств.

Цзюнь Жаньшуан, глава Долины, славилась своим умением возвращать жизнь. Она могла вылечить любого, кто хотел жить, а те, кого она не хотела спасать, лишь сетовали на свою судьбу.

Хуа Жолянй горько усмехнулась:

— Где же мне ее искать?

Долина Царя Лекарств принадлежала миру цзянху и была скрыта где-то на юге. Известно было лишь, что ее ученики спускаются с гор, чтобы спасать людей, но никто не знал, где находится сама долина. К тому же у них было правило: не спасать членов императорской семьи, а нарушителей изгонять. Возможно, все было так, как гласили легенды: император взял в жены императрицу, полюбил наложницу Мэй, но отверг главу долины Цзюнь Можань. Та затаила обиду, и так появилось это правило.

Все было бы просто, если бы за этим не скрывалась печальная история.

В этот момент прибыл евнух Ли...

Не успев отдохнуть, пришлось снова ехать во дворец. Хуа Жолянй велела прислуге позаботиться об евнухе, а сама переоделась в придворный наряд и последовала за ним.

Войдя во дворец, она услышала, как за спиной тяжело захлопнулись красные ворота. Глядя на белоснежные дорожки и высокие стены, она не испытывала ничего.

Это не ее дом.

Снег хрустел под ногами, оставляя длинную цепочку следов, ведущую к дворцу Янсинь.

— Дочь приветствует отца.

— Лянь-эр... — В старости каждому хочется, чтобы дети были рядом, проявляли сыновнюю почтительность. Но его сыновья грызлись за трон до смерти.

Император Вэнь устал. Глядя на знакомое лицо Хуа Жолянью, он чувствовал сожаление, горечь и беспомощность. Прошлого не вернуть.

— Подойди ко мне.

В нем больше не было императорского величия, лишь тоска отца по детям.

— Отец, от меня веет холодом, лучше не подходить.

Увидев его седины и морщины, она почувствовала укол жалости — ведь он был ее отцом.

— Я еще крепок, не боюсь твоего холода, иди сюда. Кхе-кхе... — улыбнулся император.

— Отец! — Хуа Жолянь приняла лекарство из рук служанки и, забыв о приличиях, поспешила к нему, чтобы помочь принять снадобье.

— Я знаю, что ты держишь на меня обиду, — тихо сказал император.

Рука Хуа Жолянью замерла. Она пыталась понять, к чему он клонит. Испытывает ее или искренен?

— История с твоей матерью... я был ослеплен.

Если бы он не пошел на столь подлые меры, возможно, Вэйси и Цзыцзинь были бы счастливы. Но что сделано, то сделано. Фэн Вэйси, почему ты не могла быть послушнее? Не заставляй меня идти на крайние меры. Не вини меня, не вини...

От сильного волнения император снова зашелся в кашле.

Ослеплен... он обвинил мать в колдовстве, бросил в холодный дворец и сжег дворец Чунхуа.

Хуа Жолянь хотела спросить его о многом, но, видя его тяжелое состояние, промолчала.

— Вы слишком строги к себе, отец, — мягко ответила она.

Император вздохнул:

— Из всех моих детей ты самая покладистая.

Жаль, что она женщина и не может наследовать престол.

Они продолжали светскую беседу, пока Хуа Жолянь гадала, зачем он ее позвал. Постепенно она почти поверила, что он просто заботливый отец. Но разговор вскоре перешел на Гун Юньшу. Хуа Жолянь поняла: началось.

— Довольна ли ты супругом, которого я выбрал для тебя?

— Выбор отца — лучший. Благодарю вас.

Император просиял:

— Гун Юньшу хороша, но она чужая. Если она будет тебя обижать, скажи мне. Ты — моя дочь, член императорского рода. Не смей терпеть обиды.

— Отец, она относится ко мне прекрасно, я не обижена.

— Я просто беспокоюсь о тебе. — Император кивнул евнуху Ли.

Тот подал чистый указ. Император начертал на нем несколько строк и поставил печать.

Хуа Жолянь холодно наблюдала за этим, а когда он закончил, опустилась на колени и приняла указ.

— Лянь-эр, ты из рода Хуа, принцесса новой династии. Гун Юньшу — чужак. Если она проявит неверность, ты имеешь право казнить ее без суда. Понимаешь?

Всего лишь пешка, чтобы следить за каждым шагом Гун Юньшу. Где здесь неверность ей? Это неверность императору, за что полагается смерть.

Двор всегда был безжалостен.

Скрыв холод в глазах, она почтительно ответила:

— Я понимаю, отец.

Император отпустил ее, одарив подарками.

Евнух Ли, доверенное лицо императора, спросил после ее ухода:

— Государь, принцесса — единственный способ сдержать Гун Юньшу. Не опасно ли отдавать ее маршалу?

— Есть ли у них хоть капля родства? — усмехнулся император. — Как только они произведут на свет наследника, я потребую, чтобы детей прислали в столицу для обучения. Гун Юньшу посмеет отказать?

— Ваша мудрость безгранична, государь!

План был идеален. При условии, что они смогут зачать.

Вскоре пришел указ: Гун Юньшу должна была возглавить пятнадцатитысячное войско и подавить мятеж на юге. Она была рада — путь на юг лежал через столицу, а значит, она сможет увидеть Хуа Жолянь.

...

— Войскам разбить лагерь в трех ли от столицы. Генералы, со мной во дворец!

Гун Юньшу вернулась в столицу, уставшая с дороги. Ей не терпелось в поместье принцессы, но пришлось лишь бросить взгляд на него по пути. После аудиенции у императора она не могла не заметить, как он постарел.

— Где принцесса? — спросила она служанку, не дожидаясь приглашения.

— Принцесса у князя Циня.

Гун Юньшу помрачнела. Принцесса знала, что она возвращается, но предпочла компанию князя, которого видит каждый день.

— Маршал получила от ворот поворот? — подшутил один из генералов.

— Мне нравится получать от ворот поворот, — отрезала она.

Хуа Жолянй знала о возвращении Гун Юньшу, но князь Цинь настойчиво звал ее обсудить дела. Она торопилась, надеясь успеть к встрече с Гун Юньшу.

— Четвертый брат, мне пора.

В глазах князя мелькнула тень недовольства.

— Сестра, у меня есть еще вопросы. Тао Яояо — ваша протеже?

В этот момент слуга доложил:

— Ваше Высочество, прибыл маршал Гун!

— Четвертый брат, мне пора идти.

По дороге в поместье Гун Юньшу молчала, сидя в паланкине и бросая на Хуа Жолянй обиженные взгляды.

— Что я такого сделала, что заслужила такой взгляд, Юньшу?

— Принцесса, конечно, ничего. Даже если бы сделали, я бы поддержала. Просто этот взгляд...

— Говори прямо!

Гун Юньшу подалась вперед:

— Я думала, вы знаете, что я сегодня возвращаюсь. — В ее голосе сквозила горечь.

Хуа Жолянй рассмеялась и придвинулась ближе:

— Четвертый брат сказал, что это срочно. Я виновата. Не смотри в окно, посмотри на меня.

— Раз вы просите, конечно.

Расстояние между ними стало пугающе малым. Гун Юньшу давно хотела сделать один шаг, но мешали люди. Теперь, когда они были одни, она наклонилась, готовая коснуться ее губ, но кучер внезапно затормозил.

Приехали.

В поместье Гун Юньшу, не успев даже снять доспехи, поспешила к Хуа Жолянй. Та как раз принимала ванну. Хунъянь ушла за водой, а стража, увидев маршала, решила не вмешиваться.

Дальше все было предreshено.

<http://bllate.org/book/19781/1949261>